

Н.В. СКОК

АКТУАЛИЗАЦИЯ РОЛИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФАКТОРА В ОБЪЯСНЕНИИ ДИНАМИКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

Рассматривается генезис представлений о роли социокультурного фактора в объяснении природы политических явлений. Анализируется проект Гарвардской академии международных и региональных исследований по интерпретации культурного фактора в экономическом и политическом развитии стран. Генеральный вывод, к которому пришли западные ученые, можно определить так: культура - один из важнейших факторов общественного развития.

The article considers the genesis of concepts of the role of the socio-cultural factor that explains the nature of the political events. It analyzes the project of Harvard Academy of the International and Regional Investigations on the interpretation of cultural factor in the economic and political development of countries. Western researchers came to the main conclusion that culture is one of the major factors of social development.

Начиная с 90-х гг. XX в. в среде обществоведения наметилась значительная тенденция, которая характеризуется возрастанием интереса к культуре как значимой детерминанте социополитического развития современных обществ. Это связано с целым рядом причин, наиболее существенными среди которых являются:

- повышение научного статуса самого понятия «культура»;
- выявление гораздо большей роли культуры (общественного сознания, менталитета и т. д.), чем это можно было предположить, исходя только лишь из формационной парадигмы, в результате конкретных исследований европейского и в особенности восточного исторического «материала»;
- обращение специалистов именно к культурным факторам при изучении особенностей модернизации, политической демократизации, поведения этнических групп, а также конфигурации международных альянсов и конфликтов.

В своей взаимосвязи указанные обстоятельства подготовили почву для активизации исследований казуальной роли социокультурного фактора, который характеризует соответствие элементов культуры социальному порядку; она выступает категорией, предполагающей взаимоотношения между основными концепциями действительности (религия, образ мышления, традиционные картины мира) и их социальными формами выражения, понимаемыми как актуализация именно данных концепций действительности.

Для объяснения социокультурной парадигмы политической реальности обществознанию понадобилось пройти трудный и долгий путь. Еще Платон в своей работе «Государство» утверждал, что правительства изменяются в зависимости от предпочтений граждан. Наиболее ярким примером социокультурной традиции политического анализа можно считать работу Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке», в которой автор обосновывает тезис о том, что работоспособность американской политической системы

зависит от культуры, удивительно подходящей для демократии. Токвиль устанавливает зависимость между «обычаями» общества и его политической практикой.

Классическим считается подход Макса Вебера к определению связи между религией как существенным компонентом социокультурной системы и становлением капитализма. В работе, которая сделала его знаменитым, «Протестантская этика и дух капитализма» он исследует влияние христианства на историю Запада, его экономическое развитие и социальную жизнь. Конкретные аспекты политической социологии Вебера базируются на идее, что основные ценности политической культуры Запада коренятся в христианстве. Политическая демократия не может существовать в отрыве от него хотя бы потому, что именно христианство провозгласило равенство всех перед богом. Представления о правах, свободах и достоинстве личности выводятся изданной мировоззренческой посылки¹.

Капитализм для своего развития нуждался в мощных моральных стимулах, которые «на старте» могла дать только религия. Вебер доказывал, что решающую роль в возникновении «духа капитализма» сыграло теологическое учение одного из реформаторов христианства Жана Кальвина о предопределении. Это учение формирует особый образ мышления, необходимый для капиталистического развития: труд ради труда, исполнение долга, самоограничение и отказ от роскоши. В той мере, в какой капитализм как особый способ регуляции производственных отношений или обусловленная и его поддерживавшая «хозяйственная этика» получили развитие, капитализм обрел собственные механизмы, обеспечивающие его функционирование, и во все большей мере становился независимым от поддержки со стороны религии. Результатом является капитализм, представляющий собой секуляризованное общество, экономическое развитие которого оказывается практически никак не связанным и не зависимым от религии².

Позднее вокруг работ Вебера развернулись широкие дискуссии и разработанная им методология во многом способствовала сравнительному изучению стадий и типов эволюции различных обществ. К концепции Макса Вебера обращались многие ученые. Особенно возросло ее значение в 1960-1980-х гг., когда происходит настоящий «веберовский ренессанс». С одной стороны, методология Вебера позволяла выявить характер «человеческого измерения» в хозяйственной деятельности капиталистического общества. Внутреннее взаимодействие капитала и труда, мотивы взаимного принятия предпринимателями и трудящимися условий производства и организации социальной жизни - все это остается постоянной проблемой для капиталистического общества, для которой на каждом этапе необходимо надежное решение. С другой стороны, к учению М. Вебера стали широко обращаться ученые из стран «третьего мира», стремившиеся понять духовные принципы функционирования своих обществ в условиях модернизации и выдвинуть наиболее успешные программы преобразования, отвечающие условиям этих стран. Складывается обширная «веберiana», в которой самому пристальному рассмотрению подвергаются характер восточных религий с точки зрения наличия в них духовных предпосылок модернизации или же противодействия процессам обновления³.

Продолжая восстанавливать историю формирования социокультурной парадигмы, особо стоит остановиться на второй половине XX в. В этот период активная роль культуры начинает все более фиксироваться общественным сознанием и привлекает к себе специалистов различных отраслей социально-гуманитарного знания. В 1940-е и 1950-е гг. активно анализируются различия между социальными системами, и, разъясняя их политические и экономические особенности, исследователи именно в культуре усматривали фактор особой важности. В то время подобными вопросами занима-

лись М. Мид, Р. Бенедикт, Д. Маккелланд, Э. Банфилд, А. Инкелес, Г. Алмонд, С. Верба, Л. Пай и С. Липсет. Ученые оставили обширную литературу по данному предмету, но в 1960-1970-е гг. интерес академического сообщества к проблемам культуры резко упал. Спустя десять лет, в 1980-е гг., внимание к культуре как к фактору социального анализа понемногу начало усиливаться. В тот период наиболее заметной оказалась работа бывшего сотрудника Американского агентства международного развития Лоуренса Харрисона «Отсталость как состояние ума: случай Латинской Америки», опубликованная в 1985 г. Гарвардским центром международной политики и породившая немало толков. Опираясь на богатый сравнительный материал, ее автор сумел показать, что для большинства латиноамериканских стран главным препятствием на пути прогресса становится именно культура. Выкладки Харрисона вызвали бурю протестов со стороны экономистов, специалистов по Латинской Америке и латиноамериканских интеллектуалов. В последующие годы, однако, представителям всех перечисленных групп пришлось убедиться в состоятельности его аргументов.

Со временем, исследуя особенности модернизации, политической демократизации, поведения этнических групп, а также конфигурацию международных альянсов и конфликтов, специалисты стали все более активно обращаться к культурным факторам. Такие авторы, как Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, Р. Патнэм, С. Липсет и др., внесли основной вклад в «пробуждение» интереса к культуре. Об их совокупном успехе свидетельствовали многочисленные попытки высмеять новоявленное увлечение культурой. Наиболее сконцентрированным воплощением стал преисполненный скепсиса декабрьский номер журнала «Экономист» за 1996 г., критикующий новые работы названных авторов. Иными словами, в научном мире развернулась ожесточенная дискуссия между теми, кто видел в культуре главный (хотя и не единственный) и часто препятствующий фактор социального, политического и экономического развития, и их противниками, отстаивающими традиционные трактовки: приверженцами приоритетной роли личной выгоды - среди экономистов, «рационального выбора» - среди политологов, неореализма - среди международников.

Наиболее точная характеристика той роли, которую культура играет в развитии человечества, принадлежит Даниэлю Патрику Мойнихэну. «С точки зрения консерватора, - говорил он, - именно культура, а не политика определяет успех того или иного общества. В свою очередь, либерал полагает, что политика способна преобразовать культуру и ограждать ее от самой себя»⁴.

В 1998-1999 гг. Гарвардская академия международных и региональных исследований явилась создателем грандиозного проекта под руководством известного американского социолога Лоуренса Харрисона по интерпретации культурного фактора в экономическом и политическом развитии стран мира. В рамках данного проекта были разработаны теоретическая и прикладная исследовательские программы, направленные на интеграцию обновленных ценностей и установок в политику развития. Программа таких исследований включает в себя шесть основных пунктов.

1. Типология ценностей и установок, целями которой являются: идентификация аксиологических факторов, способствующих прогрессу, включая выявление приоритетности каждого из них; определение тех ориентации и позиций, позитивно (и негативно) влияющих на становление демократических институтов, экономическое развитие и социальную справедливость.

2. Взаимоотношения между культурой и развитием. Данное направление намечается для того, чтобы выработать практически полезное представление о силах и акторах, способных ускорять развитие при наличии ценностей и установок, ему не способствующих; проследить за изменением традиционных ценностей и установок, подвергающихся влиянию прогрессивных сил

и акторов; ответить на вопрос о том, можно ли добиться консолидации демократических институтов и обеспечить экономический рост, не подвергая традиционные ценности существенным преобразованиям.

3. Взаимоотношения между ценностями/установками, политикой и институтами. Цели здесь таковы: выяснить, до какой степени политика и институты отражают, согласно предположениям Токвиля и Этунги-Мангеле, особенности ценностей и установок; попытаться понять, что происходит в тех случаях, когда ценности и установки не сочетаются с проводимой политикой и господствующими институтами; определить, в какой мере политика и институты могут видоизменять ценности и установки.

4. Передача культурных ценностей. Исследование данного аспекта позволяет выделить основные факторы трансмиссии ценностей/установок через воспитание, школу, церковь, СМИ, влияние сверстников и «социальные перечисления» иммигрантов своим родным странам. Необходимо знать: какие из названных факторов сегодня являются наиболее сильными в тех или иных географических и культурных зонах; каким образом каждый из них может содействовать становлению прогрессивных ценностей; какую роль в преобразовании ценностных ориентиров может играть государственная власть.

5. Статистические замеры ценностей/установок. Задача заключается в том, чтобы расширить диапазон применения всемирной системы, регистрирующей преобразования ценностей и установок, интегрируя полученные результаты в первый из наших пунктов. Это предполагает: совершенствование имеющихся инструментов по измерению ценностей и установок (Всемирного опроса по изучению ценностей и т. п.); приспособление данных инструментов к инициативам, предполагающим преобразование ценностных ориентиров.

6. Оценка инициатив по преобразованию ценностей, предпринимаемых в настоящее время⁵.

Генеральный вывод, к которому пришли западные исследователи с мировыми именами (С. Хантингтон, Ф. Фукуяма, Р. Инглхарт и др.), участвовавшие в этом проекте, можно определить следующим образом: культура предстает как независимая переменная общественного развития. Вместе с тем культура может выступать и в качестве зависимой переменной.

Таким образом, социокультурный фактор может выступать в качестве основной детерминанты политики, политического развития и политической культуры в силу двух обстоятельств. Во-первых, подавляющее большинство действующих в социальной системе каузальных факторов представляют собой внебиологические, специфически человеческие способы деятельности, т. е. феномены культуры. Во-вторых, все каузальные факторы, действующие в обществе или воздействующие на него (в том числе природные), даже в тех исторических ситуациях, когда они выходят на передний план, опосредуются таким социокультурным достоянием, как общественная психология.

По мнению С.Э. Крапивенского, «социокультурная детерминанта включает в себя основания обоих важнейших срезов исторического процесса - формационного и цивилизационного, а также производное от них. Это особенно приходится подчеркивать в связи с частым противопоставлением социокультурного формационному, с одной стороны, и отождествлением социокультурного с цивилизационным - с другой»⁶.

Таким образом, природа как политики, так и политической культуры наиболее продуктивно интерпретируется представлениями, отдающими приоритет в объяснении данных явлений факторам социального порядка. Причем среди множества подходов данного рода необходимо выделить два достаточно различных концепта.

С одной стороны, это так называемые «системные доктрины», усматривающие природу культурных явлений в господстве интерперсональных, надличностных, анонимных черт социального порядка. Независимо от эти-

ко-феноменологической или причинно-следственной логики, которая применяется здесь различными мыслителями, природа данных объектов объясняется нравственными императивами (Аристотель), общими свойствами человеческого разума (Кант), способностью к «эстетическому преодолению» действительности (Шлегель), обращением человека к «духовной сущности мира» (Гегель) или детерминирующим воздействием экономических отношений (Маркс) и т. д.

Следование подобным теоретическим установкам утверждает доминирование в политической культуре не личностного, а нормативно заданного (целью, группой, общественными отношениями) начала. Поэтому политическая культура превращается не в механизм освоения человеком значимого для него опыта, а в средство усвоения предписанного, должного, необходимого.

С другой стороны, противоположный подход, рассматривающий социальные свойства человека в качестве безусловной основы политико-культурных явлений, наиболее ярко представлен в культурной антропологии. Человек утверждается здесь в качестве единственного источника социального и политического порядков, которые, собственно, и существуют как формы проявления его интериорной деятельности, свободного выбора целей и самовыражения⁷.

Переакцентируя внимание с анализа внешних детерминант политической культуры на исследование живой деятельности противоречивого, но одновременно целостного по своей природе человека, социокультурный подход придает важнейшее значение таким факторам ее формирования, как разделяемая людьми картина мира, общность жизненных ценностей, корпоративный кодекс поведения, локальная мифология, ментальность и господствующая символика, информация и знания, - одним словом, всем компонентам изнутри ориентированного, смыслополагающего поведения людей.

¹См.: Лаптева М.П. Макс Вебер и проблемы политической культуры // Политическая и духовная культура Европы (новое и новейшее время): Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1992, С. 30.

²См.: Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии: В 2 ч. / Сост. В.И. Гараджа, ЕД Руткевич. М., 1994. С. 9-10.

³См.: Ерасов Б.С. Социальная культурология. М., 1997. С. 53.

⁴Хантингтон С. Предисловие. Культуры - это серьезно // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002. С. 11.

⁵См.: Харрисон Л. Введение. В чем значение культуры? // Там же. С. 34-35.

⁶Крапивенский С.Э. Социокультурная детерминанта исторического процесса // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 135.

⁷См.: Соловьев А.И. Политическая культура: проблемное поле метатеории // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 2. С. 33-34.

Поступила в редакцию 12.04.07.

Наталья Владимировна Скок - кандидат политических наук, и. о. заведующего кафедрой «Гуманитарные дисциплины» Белорусско-Российского университета.